

Николай
Сперанский

ВЕДЬМЫ
И ВЕДОВСТВО

Мифы о мифах

Николай Сперанский
Ведьмы и ведовство

«Азбука»

1906

УДК 27
ББК 86.37

Сперанский Н. В.

Ведьмы и ведовство / Н. В. Сперанский — «Азбука»,
1906 — (Мифы о мифах)

ISBN 978-5-389-34643-7

Призывание демонов, похищение младенцев, полеты на шабаш – веками народная фантазия рисовала страшные картины ведьмовских деяний. В XV веке был опубликован знаменитый «Молот ведьм» – подробное руководство, как вычислить ведьму и что с ней потом делать, и таких руководств было немало. Наиболее жестокие и кровавые процессы, в ходе которых было осуждено множество женщин, пришлись на XV–XVII столетия – Новое время, эпохи Возрождения и Просвещения. «Ведьмы и ведовство» (1906), книга великолепного историка-эрудита Николая Сперанского (1861–1921), раскрывает историю охоты на ведьм с новой стороны, связывая колдовство не с народными верованиями и заблуждениями, как это было принято до сих пор, а с передовыми научными идеями, подчеркивая не самую очевидную роль образования, власти и религии во многовековых судебных процессах. «Ведьмы и ведовство» – блестящее, увлекательное исследование, не утратившее актуальности по сей день.

УДК 27
ББК 86.37

ISBN 978-5-389-34643-7

© Сперанский Н. В., 1906
© Азбука, 1906

Содержание

I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Сперанский

Ведьмы и ведовство

© А. С. Пахомова, статья, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

МАРЬ
МИРАХ

Николай
Сперанский

ВЕДЬМЫ И ВЕДОВСТВО

Санкт-Петербург

I

В тот век, который еще так недавно был для нас только прошлым, для всякого образованного европейца казалось не подлежащей спору истиной, что у рода людского нет более опасного, более лютого врага, нежели суеверие. Свободу души от суеверия XVIII столетие провозглашало необходимейшим залогом всякой другой свободы, современники Вольтера ставили ее главной приметой «просвещения», в непримиримой борьбе с суеверием они усматривали первый долг всякого «друга человечества» и ко всему, что напоминало об эпохе наиболее пышного цвета суеверных представлений, о Средних веках, они относились или с презрительной безгласностью, или со страстной ненавистью.

– Но «круговая теория» исторического движения недаром соблазняла столько наклонных к философскому созерцанию голов... «Суеверие – поэзия жизни», – со вздохом сказала устами Гёте поколение, явившееся на смену поборникам просветительной философии XVIII века; и эта легкая грусть, все разрастаясь и разрастаясь, к началу нашего молодого столетия среди самых передовых, самых утонченных кругов европейского общества перешла в горький плач по поводу утраты такого драгоценного источника красоты и полноты жизни. «Передовые из передовых» идут при этом и много дальше чисто эстетических вздыханий. Всякий, кто следит за модными направлениями в умственной жизни европейской интеллигенции, сам знает, конечно, какие гимны средневековому суеверию поют иные из новоявленных «малых пророков», пришедших в мир, чтобы освободить его от рабского служения «кумиру эпохи Просвещения – головному мозгу», и на какие отчаянные попытки пускаются они, стремясь вернуть в наше мирозерцание то, что так беспощадно было из него вычеркнуто торжеством рационализма.

Очень характерным образом при этой погоне за возвращением на землю чудес, без которых многим кажется на ней так скучно, особенно посчастливилось демонологии. Бесчисленные средневековые «Acta Sanctorum» и в наши дни мало в ком возбуждают интерес вне круга присяжных ученых, отыскивающих там культурно-исторический материал; но объемистые трактаты, где демонологи XV и XVI веков с мельчайшими подробностями изобразили гнусные деяния дьявола и верных его прислужниц, ведьм, в последние десятилетия все чаще и чаще стали переселяться из пыльных лавок антиквариев на рабочие столы людей, гонящихся за последним словом современности, и литераторы с громкими именами советуют своим читателям на этих трудах освежать свою душу от «научной прозы», в них искать отправных точек для замены «плоского» рационалистического мирозерцания чем-нибудь более глубоким. Имена таких классиков демонологии, как Шпренгер, Боден или Дельрио, встречаются теперь не только в специальных сочинениях, но и на страницах покупаемых нарасхват повестей и романов, и кто открыто скажет, что не имеет достодолжного понятия о «черной мессе», тот в наши дни рискует для многих оказаться безнадежно отсталым человеком.

От всего этого, конечно, можно было бы и просто отвернуться, равнодушно пожав плечами. Вопреки славному Вико, жизнь человечества в действительности не идет по кругу, и все новейшие ее глубокие течения нисколько не обещают в обозримом будущем повторного торжества идей, дорогих сердцу современных поклонников средневекового духовного уклада. Притом же при ближайшем знакомстве эпохи, не ведавшие нашей скучной науки, очень теряют в своем поэтическом очаровании: давно уже замечено, что «анимистическое» мирозерцание кажется нам поэтичным лишь потому, что мы успели из него вырасти; для тех же, кто в нем жил, оно представляло худшую прозу, чем для нас представляет наша наука, и, наконец, раз наши глаза рассмотрят, что фантастическое видение, явившееся нам при лунном свете, на деле оказывается лишь белой простыней, то мы их можем шурить как угодно: они упорно свидетельствуют, что это не более как простыня. Если же иным из пламенных адептов модной

демонологии ценой геройских усилий и удается иногда добиться, что демоны действительно к ним снова слетаются, то этих «магов» постигает общая участь всех, кто когда-нибудь связывался с нечистой силой; известно, что по странной непоследовательности демоны искони сами заботились об очищении земли от тех, кто призывал их имя, и в положенный срок уносили своих поклонников в преисподнюю, которая теперь сменяется или по крайней мере предваряется психиатрической больницей.

Но раз внимание широких кругов читающей публики снова привлечено к тем ведьмам, которыми бредило западноевропейское человечество не далее как два с половиной века тому назад, раз чудовищные истории, рассказанные на страницах «Молота ведьм», снова ей сообщаются и в прозаической, и в стихотворной форме, то можно вполне законно воспользоваться этим случаем для того, чтобы предложить ей познакомиться и с результатами новейших научных исследований по этому вопросу.

Спешу, однако, оговориться. Как ни ярко совмещает подобное знакомство умственную и нравственную физиономию современных любителей демонологической литературы, но вовсе не в этом заключается его серьезная, его истинная ценность. Тот мрачный эпизод культурной истории Европы, который так неразрывно связан со зловещими именами Шпренгера, Бодена и Дельрио, действительно гораздо менее известен вне тесных ученых сфер, чем он того заслуживает по внутреннему своему значению. И любопытно заметить, что мы имеем здесь дело не с простой случайностью. Как ни парадоксально может это прозвучать, но если в общих изложениях хода культурного развития Европы почти никогда не оказывается места для рассказа об ужасных процессах ведьм, являющихся самым грязным, самым смрадным пятном на всей европейской цивилизации, то виновато в этом то самое обстоятельство, которое, с другой стороны, и придает им особенно глубокий научный интерес.

В самом деле, в какую эпоху своего существования европейское общество всего острее бредило дьяволом и ведьмами и всего больше трепетало перед этими заклятыми врагами христианского имени? Мне кажется, я не ошибусь, если предположу, что большинство образованных людей, не обладающих в истории профессиональными познаниями, почти не колеблясь ответит на такой вопрос: конечно, в Средние века. И между тем ответ этот далек от истины. С дьяволом Средние века, положим, были всегда знакомы очень близко. Но «гнусное сообщество ведьм» с их шабашами и черной мессой глубине Средних веков совсем еще не было известно. Оно открыто было только под самый их конец, на пороге Нового времени, и наиболее сведущие в деле люди, те самые монахи, которые в XV столетии впервые изобличили ведьм, сами свидетельствовали, что ранее христианский мир никогда не видывал подобных ужасов. Они вполне определенно утверждали, что ведьмы явились и размножились уже на их глазах, и в этой новой язве на «глубоко состарившемся мире» они усматривали неложный признак близившегося пришествия антихриста.

Итак, самое дикое, самое нелепое из всех известных суеверий, наряду с которым этнографы находят возможным ставить разве лишь некоторые поверья негров Центральной Африки, заполонило воображение культурных европейских народов вовсе не в самое худшее их время. Умственно темные их поколения понятия не имели о том, что представляет собою истинное «ведовство». «Открытие» ведьм относится к эпохе, законно окрещенной – конечно, не за это – громким именем эпохи великих открытий. Первые костры, зажженные для кары «чертовых жен», бросили свой кровавый отблеск на небо, на котором занималась уже заря Возрождения, и классическим периодом организованных судебных убийств, именовавшихся «процессами ведьм», являются века, которые, вопреки мрачному пророчеству Шпренгера и других его собратьев, принесли «состарившемуся миру» не пришествие антихриста, а небывалый расцвет духовного творчества, – века, которые в истории совершенно законно характеризуются по таким их чертам, как гуманизм, как реформация, как зарождение естественных наук. И как не остановиться в недоумении перед такою антитезой. Когда солнце ходило еще кругом

земли, земля была чиста от ведьм и старым женщинам предоставлялось спокойно умирать у себя в постели. Но среди дошедших до нас от Кеплера бумаг сохранилась его записка в суд, где он отстаивает свою старуху-мать от обвинения в ведовстве, причем славный астроном ни единым словом не возражает против возможности подобных обвинений. Что думал он об этом в самом деле, мы этого не знаем. Но, как и всем его современникам, ему твердо было известно, что, попробуй он поставить защиту на такую почву, и ему самому пришлось бы отправляться вместе с матерью в застенки. «Кто говорит, что ведьм не существует, того нельзя не подозревать самого в принадлежности к их сообществу» – этим принципом руководствовались немецкие суды в ту пору, когда Кеплер открывал свои знаменитые законы движения светил.

Эта поразительная «несвоевременность» процессов ведьм – если можно так выразиться, – этот резкий диссонанс между ними и общим колоритом тех столетий, на которые падает мрачная их тень, и объясняет нам ближайшим образом, почему общеисторические труды о них почти не упоминают. Когда приходится рисовать широкие культурные картины, где главными фигурами являются такие лица, как Колумб и Васко да Гама, как Гуттенберг, как Леонардо да Винчи, Рафаэль и Микеланджело, как Эразм и Гуттен, как Лютер, Цвингли и Кальвин, как Коперник, Кеплер и Галилей, как Бэкон и Шекспир, то на их фоне, действительно, не сразу отыскивается место для передачи тех сцен дикого бреда, каким является борьба европейского общества с «прислужницами дьявола». А раньше, в те эпохи, с умственной жизнью которых процессы ведьм могли бы, по-видимому, свободно гармонировать, сама история не позволяет о них распространяться, ибо тогда она еще действительно ничего подобного не знала. Но эта же «несвоевременность» процессов ведьм, как я уже заметил, и придает им, с другой стороны, чрезвычайный интерес. Как же, в самом деле, разрешается такая аномалия, которая становится еще загадочнее, если мы примем во внимание, что и в XV–XVII веках процессы ведьм являлись принадлежностью лишь передовых стран христианского мира: задержанный в своем развитии восток Европы, Россия и Балканские государства, и в ту пору оставались свободны от этих ужасов. Что ж здесь такое перед нами? Какая-нибудь особенно прихотливая игра исторических случайностей? Или тут есть своя закономерность, раскрытие которой может показать, что наши обычные представления о ходе «прогресса цивилизации» носят чрезмерно упрощенный, прямолинейный, схематический характер, и в частности, что дело распространения народного образования в Европе далеко не всегда сопровождалось лишь благотворными последствиями для народа, что у него оказывается и своя черная изнанка?

В такой общей связи и будет проведен настоящий очерк¹. Но прежде чем приступить к анализу явления, я должен буду, в силу указанных уже мною условий², дать хотя бы сжатое описание самих процессов ведьм, я должен буду сделать хотя бы краткий пересказ «этой бесконечной драмы, исполненной сценами таких несказанных, невыразимых, безмерных мук, терзаний и отчаяния со стороны гонимых и такого суеверия, тупости и зверства со стороны гонителей, что с этим по жестокости ничто не может сравниться в летописях европейских наций».

Преследованием ведьм, смотря по времени и по стране, занимались различные органы судебной власти. В раннюю свою пору, в XV столетии, такого рода процессы велись почти исключительно перед космополитическими трибуналами римской инквизиции. В Италии и в Испании инквизиция сумела удержать их за собой и до самого конца. Что касается прочих стран, то после реформации не только в протестантских, но и в оставшихся католиче-

¹ Среди длинного ряда работ по нашему предмету, вышедших за последние 10–15 лет, особого внимания заслуживают: *Johannes J. Geschichte des deutschen Volkes. Achter Band* (1894); *Riezler S. Geschichte der Hexenprozesse in Bayern* (1896); *Baissac J. Les Grands Jours de la sorcellerie* (1900); *Hansen J. Zaubervahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter* (1900) и того же автора *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter* (1901). На эти труды и опирается главным образом с фактической своей стороны предлагаемый очерк.

² Существующая на русском языке популярная описательная работа г. Канторовича «Средневековые процессы о ведьмах» давно уже не отвечает положению вопроса в западноевропейской научной литературе.

скими государствами они почти везде перешли в руки светских судов, ведавших уголовными делами. Но разница эта в данном случае – что уже само по себе заслуживает внимания – не играет сколько-нибудь видной роли. Картины гонения на ведьм сразу нас поражают и необыкновенно дикой игрой фантазии, с которой здесь приходится встречаться, и необыкновенной своею монотонностью. Откуда бы ни шли относящиеся к ним памятники, мы не находим на них почти никакой местной окраски. В церковных и в светских, в католических и в протестантских судах процессы ведьм протекали совершенно одинаковым порядком и приводили к одним и тем же результатам. Поэтому, чтобы составить себе вполне достаточное понятие об этом поразительном эпизоде из области отправления человеческого правосудия, довольно заглянуть в уголовную хронику любой из западноевропейских стран. Удобнее всего нам будет взять Германию, так как ее архивы дают тут и особенно богатый, и, главное, прекрасно разработанный материал. Итак, посмотрим, что представляли собой процессы ведьм в Германии в ту пору, когда они являлись обыденной принадлежностью немецкой жизни, т. е. в конце XVI и в начале XVII века.

Общий судебный строй Германии в указанный период, как это нам необходимо следует заметить, характеризуется следующими двумя существенными чертами. То было время, когда старый устный и гласный суд шеффенов, руководившийся в своих приговорах непосредственно народным правовым сознанием, был окончательно вытеснен новыми коронными судами, которые составлялись из ученых юристов, обязанных сообразоваться исключительно с формальным, писаным законодательством, и не терпели никакого участия «необразованного» общества в деле отправления правосудия. И с другой стороны, то было время, когда центральная правительственная власть, не полагаясь на компетентность местных судебных учреждений, особенно ревниво следила за каждым их шагом, что выражалось в широком развитии так называемой «пересылки актов». В крупных процессах местные суды по первому требованию сторон, иногда же и помимо него, обязаны были пересылать все относящиеся к делу документы на заключение в высшую инстанцию, которой являлись особые правительственные «придворные» комиссии, чаще же всего юридические факультеты при университетах. Дела о ведьмах – наряду с делами о ересь, об оскорблении Величества, о государственной измене, о разбоях на море и на больших дорогах и о фальшивомонетчиках – причислялись к разряду «особо важных», и потому подобная «пересылка актов» при них была почти что общим правилом. Указанные высшие инстанции с крайней заботливостью следили за процессами такого рода – факт, значение которого для нашего вопроса, я думаю, может считаться очевидным.

Чего же требовалось по закону, чтобы дело о «ведовстве» могло начаться? На этот счет первые юридические авторитеты той эпохи давали судьям такие наставления. В подобных случаях, говорили они, суд при оценке приносимой ему жалобы и собранных по ее поводу свидетельских показаний отнюдь не должен искать вполне убедительных доказательств вины оговоренного лица: с него должно быть довольно, если представленные ему факты не лишены правдоподобия. *Conjecturae, verisimilitudines in tali casu vim plenae probationis obtinent*³. А где проходила для той эпохи граница правдоподобия в этой области, о том дают нам точные сведения сохранившиеся во множестве протоколы судебных следствий по ведовским делам. «Дурно ославленная старуха, поссорившись с соседом, посулила ему, что так ему это не пройдет, и у соседа вскоре пала скотина» – достаточный повод для возбуждения против старухи судебного преследования. «Две дурно ославленные старухи после сильного градобития между собою толковали: „Да это, может, еще не последний град; может, будет и еще хуже“» – следовательно считает необходимым заключить старух в тюрьму. «Оговоренная женщина дала одному мужику поесть пирога, и у того от ее пирога заболел живот. Другой мужик ее мешком вздумал было подбить себе штаны и вскоре повредил себе коленку. У третьего после ссоры с ней заболел

³ В данном случае предположения и вероятности приобретают силу полного доказательства (лат.). – Примеч. ред.

вол» – стечение такого рода обстоятельств делает для суда вину более чем правдоподобною. Примеры эти, взятые из сотен, и представляют собой самые заурядные поводы к началу ведовских процессов.

Не следует, конечно, думать, чтобы и в те времена всякий подобный оговор немедленно признавался достаточным поводом для поднятия судебного дела. В спокойные годы, когда бред ведьмами лишь тлел под пеплом, суды нередко оставляли такие жалобы без всякого внимания, и в хрониках нам сохранились даже примеры того, как власти вырывали из рук толпы несчастных, над которыми она из-за подобных подозрений готова уже была учинить варварскую расправу. Но стоило только страху пред ведьмами раз вспыхнуть в данной местности сильнее, и те же самые суды оказывались способны придавать полный вес таким же и даже еще менее осязательным уликам. В качестве характерного образчика я приведу историю возникновения одного очень крупного процесса, который на исходе XVI века настолько прославил «юстицию» баварского округа Шонгау, что ее служители предлагали даже правительству увековечить память об этом постановкой в самом Шонгау или в его окрестностях высеченной из камня колонны.

У крепостного мужика Штейнгаденского монастыря, лежавшего в соседстве с Шонгау, в доме случилось сразу два несчастья – умер ребенок и тут же подохла свинья. Подозревая, что вышло это неспроста, мужик пошел в соседнее местечко Кауфбейрен, чтобы посоветоваться с тамошним палачом. Надо заметить, что, по всеобщему убеждению того времени, никто не мог так хорошо распознавать ведьм, как палачи, которым случалось неоднократно их пытаться. Вернувшись после разговора с палачом домой, мужик подал в суд жалобу на одну из крестьянок, некую Гейгер, обвиняя ее в том, что это она своими чарами извела у него младенца и скотину. Судья арестовал было оговоренную женщину, но, нашедши обвинение недостаточно доказанным, вскоре опять отпустил ее на свободу, и после этого двенадцать лет в округе не было никаких толков о ведьмах. Но в 1587 году на ту же Гейгер была подана новая жалоба – на этот раз со стороны местного живодера, который обвинял ее, что она извела у него двух коней, – и Гейгер снова была взята в тюрьму. При этом судья впал в колебание. Сам он был склонен теперь начать процесс, но очень влиятельное в округе лицо, штейнгаденский прелат, усиленно советовал ему опять направить дело к прекращению. Тогда судья «переслал акты» в Мюнхен Придворному совету и получил оттуда такое указание: «оговоренную женщину следует попытать, но не накрепко». Вопреки общему правилу, подсудимая устояла против пытки и была снова выпущена на свободу. Но дело это взволновало всю округу, и отовсюду стали слышаться голоса, что если скотские падежи так донимают народ, то виновата в этом «все более и более распространяющаяся ужасная и гнусная язва ведовства». Так как подобные толки шли не прекращаясь, то в дело вмешался наконец сам герцог Фердинанд, к владениям которого принадлежало Шонгау. По его приказанию в 1589 году наряжен был строжайший сыск о ведьмах – и ведьмы отыскились в великом множестве. Три года у суда в Шонгау не было досуга для разбора всех прочих дел, и наконец больше шести десятков подсудимых отправлены были на костер. При этом свидетельские показания отнюдь не отличались какой-нибудь особой убедительностью. «Старуха такая-то замечена в том, что подбирала конский помет – наверное, чтобы околдовать хозяина этого коня». «Старуху такую-то соседи видели во время сильной грозы стоявшей у себя на дворе» и т. д., и т. д. Однако если раньше суд в подобных случаях был еще способен колебаться, то теперь за всеми этими показаниями признавалась полная убедительность. Надо заметить, что ради осторожности герцог пересылал все акты на рассмотрение Ингольштадтского юридического факультета, и тот нашел, что дело по всем пунктам было проведено совершенно правильно.

Чтобы дать почувствовать, какая атмосфера водворялась в тех местностях, где шел подобный сыск о ведьмах, я приведу еще один отрывок из подлинных следственных актов. Баварское местечко Вемдинг в начале XVII столетия оказалось очень неблагополучно в отношении ведовства. В 1609 году стараниями юстиции оно раз было уже очищено от ведьм и

ведунов; но к 1630 году обыватели снова не знали, куда от них деваться. Тогда высшие власти отправили в Вемдинг особого комиссара, чтобы произвести на этот счет подробное дознание. Комиссар Шмид привел к присяге и допросил по этому поводу целых семьдесят пять свидетелей, и у всех почти нашлось, что ему порассказать. Такого-то соседа обыватели заподозревали в сношениях с нечистым потому, что у него «уж очень подходящий для этого цвет лица»; другого потому, что он все ходит скучный; третьего потому, что у него в доме постоянно случаются несчастия и дети хворают какими-то странными болезнями; четвертого, напротив, потому, что все ему уж чересчур удается и он богатеет, тогда как другие люди так же работают, а ничего нажить не могут. В одной женщине отмечали как очень подозрительную вещь, что прежде она была веселого нрава, а после казни одной ее приятельницы, сожженной за ведовство, она сразу совсем притихла; в другой – что она приходит в ужас, когда ребята на улице показывают на нее пальцами. Один вводил своих соседей в соблазн тем, что никогда в жизни не носил четок; другой, напротив, казался подозрительным, несмотря на то что он очень прилежно посещал церковь: «кабы в церкви было дело! в церковь-то ходят все ведьмы». Про одного соседа следователю передавали, как он раз оттрепал мальчишку и тот сейчас же начал тяжело хворать. Про одну соседку рассказывали, что она от четырех дрянных коровенок ухитряется делать необыкновенные скопы масла, каких спроста не сделаешь ни под каким видом. И все подобные деревенские рассказы следователи заносили в свои протоколы с примерной тщательностью и с полным убеждением в важности собираемого таким путем судебного материала. И население, откуда шли такие оговоры, тоже не сомневалось, что со следственными расспросами по этим делам отнюдь нельзя шутить. Усердно занимаясь доносами на соседей, оно все поголовно жило в такое время под гнетом страха, который живо изображается нам в одном современном гонениям на ведьм «листке»: «Во многих местах дело дошло до того, что богобоязненные христиане перестают ходить на богослужение, прячут свои четки и всячески остерегаются проявлять свое благочестие, чтобы не показаться набожнее других, ибо кто этого не остерегается, на того взводится обвинение в ведовстве. Дьявол, так говорит невежественная, грубая толпа, учит своих подручных и приятельниц, чтобы они казались благочестивыми, принимали причастие, а потом прятали гостию за пазуху и всячески ее оскверняли. Он будто бы их учит, чтобы они ходили в церковь, но за обедней и за проповедью говорили про себя: поп, ты лжешь; все, что ты делаешь и говоришь, все ложь, ибо нет бога, кроме моего бога сатаны. И в некоторых местах сами священники не смеют совершать таинство Пресуществления каждый день. Если же они это и делают, то потихоньку, так как иначе их тоже легко заподозрят в ведовстве. Нет бреда злее и нет бреда распространеннее и позорнее, чем этот бред ведьмами, чем этот страх и трепет перед ними».

Итак, коротко говоря, если в периоды затишья такого бреда суд не оказывался совсем глух к голосу здравого смысла, то, раз страх перед ведьмами почему бы то ни было разгорался, в тюрьму по обвинению в ведовстве могло привести человека решительно все. В такую пору надобно было стараться об одном – чтобы ничем не привлекать на себя внимания соседей, иначе ничего не стоило быть взятым на допрос. Причины же панического страха при мысли о такой возможности станут нам ясны, когда мы познакомимся с тем, в чем заключалась сущность обвинения в ведовстве и в каких формах шел «ведовский процесс».

Чтобы получить ответ на первый из поставленных нами вопросов, довольно взять в руки любое из тех официальных «Наставлений к допросу ведьм», которыми заботливо были снабжены в XVI и XVII веках суды различных германских государств. Одно из них, входящее в состав баденского «Земского уложения» 1588 года, я здесь и приведу в довольно подробных выдержках.

Приступая к допросу подсудимой, судья, согласно «Наставлению», должен был прежде всего осведомиться, не доводилось ли ей слышать про ведьм и их «искусство», и если доводи-

лось, то не разузнавала ли она из женского любопытства о том, как, собственно, ведьмы умудряются производить свои чарованья.

Когда подсудимая в этом сознается, – продолжает «Наставление», – то надобно далее предлагать ей следующие вопросы: не делала ли и она сама каких-нибудь таких штучек, хотя бы самых пустячных, – не вынимала ли, например, молока у коров, не напускала ли гусениц или тумана и т. п.? Также у кого и при каких обстоятельствах удалось ей этому выучиться? С какого времени и как долго она этим занимается и к каким прибегает средствам? Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Было ли тут простое обещание, или оно скреплено было клятвой? И как эта клятва звучала? Отреклась ли она от Бога и в каких словах? В чьем присутствии, с какими церемониями, на каком месте, в какое время и с подписью или без оной? Получил ли от нее нечистый письменное обязательство? Писано оно было кровью – и какой кровью – или чернилами? Когда он к ней явился? Пожелал ли он брака с ней или простого распутства? Как он звался? Как он был одет и, особенно, какие у него были ноги? Не заметила ли она и не знает ли в нем каких-нибудь особых чертовских примет?

Далее следует ряд детальных цинических расспросов о том, как бес и подсудимая вели себя на брачном ложе, после чего «Наставление» продолжает:

Вредила ли она в силу своей клятвы людям и кому именно? Ядом? Прикосновением, заклятиями, мазиями? Сколько она до смерти извела мужчин, женщин, детей? Сколько она лишь испортила? Сколько беременных женщин? Сколько скотины? Сколько она напустила туманов и подобных вещей? Как, собственно, она это производила и что для этого пускала в ход? Умеет ли она также летать по воздуху и на чем она летала? Как она это устраивает? Как часто она летает? Куда случалось ей летать в разное время? Кто из других людей, которые находятся еще в живых, бывал на их сборищах? Умеет ли она также скидываться каким-нибудь животным и с помощью каких средств? Давно ли праздновала она свадьбу со своим любовником? Как свадьба эта была устроена, кто на ней был и что там подавались за кушанья? Особенно, какие были мясные блюда, откуда было взято мясо, кто его принес, какой у него был вид и вкус, было оно кисло или сладко? Также было ли у нее на свадьбе и вино и откуда она его добыла? Был ли и музыкант? И кто он был – человек или бес? Каков был он из себя? Сидел он на земле или на дереве или стоял? Также какие на помянутом собрании были их замыслы и когда у них решено было собраться снова? Где они ночной порой учиняли свои пирушки – в поле, в лесу или в погребках и кто и когда на них бывал? Сколько малых детей сведено при ее участии? Где они были добыты? Также у кого были они взяты? Или они были вырыты на кладбище? Как они их готовили – жарили или варили? Также на что пошла головка, ножки и ручки? Добывали ли они из таких детей тоже и сало и на что оно им? Не требуется ли детское сало, чтобы поднимать бури? Сколько родильниц помогла она извести? Как это делалось и кто еще был при этом? Или не помогала ли она выкапывать родильниц на кладбище и на что им это надобно? Также кто в этом участвовал и долго ли они это варили? Не выкапывали ли они также выкидышей и что они с ними делали? Насчет мази. Раз она летала, то с помощью чего? Как мазь эта готовится и какого она цвета? Также умеет ли она сама ее приготавливать? Далее всякий раз, как им понадобится человеческое сало, они

необходимо совершают столько же убийств; и так как они вытапливают или вываривают сало, то их надобно спрашивать: что они сделали с вареным или жареным человеческим мясом? Для мазей им всегда необходимо человеческое сало из мертвых или из живых людей. Туда идет еще человеческая кровь, папоротниковое семя и т. п., но сало непременно туда входит, тогда как другие вещи иногда и опускаются. При этом от мертвых людей оно идет для причинения смерти людям и скотине, а от живых – для полетов, для бурь, для того, чтобы делаться невидимкой и т. п. Сколько с ее участием напущено было бурь, морозов, туманов? Сколько времени это продолжалось и какой был в каждом случае вред? И как это делается, и кто в этом участвовал? Был ли ее любовник при ней на допросе или не приходил ли к ней в тюрьму? Доставала ли она также освященные гостии и у кого? Что она с ними делала? Являлась ли она также к причастию и потребляла ли его как следует? Как они добывают уродов, которых подкидывают в колыбели вместо настоящих младенцев, и кто им дает их? Также как она вынимала у коров молоко и превращала в кровь? И как им можно от этого опять помочь? Может ли она также пустить вино или молоко из ивы? Также как она делала мужчин неспособными к брачному сожитию? Какими средствами? И чем им можно опять помочь? Точно так же, как она молодых и старых людей лишала потомства и как им можно опять помочь?..

Итак, западноевропейская ведьма XV–XVII веков, образ которой встает здесь перед нами во всех своих омерзительных подробностях, это не простая колдунья, каких знавали все времена и все народы. Род чародеев и чародеек, говорит по этому поводу один из ученейших современников процессов ведьм, аббат Тритемий, делится на четыре главных вида. Одни в своих преступных деяниях пользуются таинственными естественными средствами, как яды и т. п.; другие знают магические слова, заклятия и знаки; третьи, как люди, занимающиеся некромантией, зовут себе на помощь нечистую силу, но не предаются ей вполне; и наконец четвертый вид образуют настоящие «ведуны и ведьмы», которые формально отрекаются от Бога и признают своим повелителем сатану, предаваясь ему при этом не только душою, но и телом и получая от него умение творить деяния, которые не под силу другого порядка колдунам. При этом, как мы видели, ведуны и ведьмы, в отличие от обыкновенных колдунов и колдуний, действуют не порознь, а скопом: они образуют преступное сообщество, периодически собирающееся на ужасные шабашы с их людоедскими оргиями, возможность к чему дает им так резко отличающая их от прочих смертных способность переноситься с невероятной быстротой через громадные воздушные пространства. И самое колдовство этой «чертовой шайки» носит особый характер. Тогда как другие чародеи по воле могут направлять свою таинственную силу во вред или на благо людям – могут, например, напускать и могут излечивать болезни, – ведьмы и ведуны творят лишь исключительно зловредные деяния. Они обязаны к тому своим договором с нечистым, и в некоторых из упомянутых нами «Наставлений» прямо предписывается спрашивать у подсудимых, «не бьет ли их дьявол, когда они лениво относятся к возложенной на них работе и мало причиняют вреда людям». Отметим, наконец, как характерную особенность «ведовства», что среди преданных ему лиц, по убеждению современников, число мужчин было совершенно ничтожно сравнительно с числом женщин. Поэтому все соответственные «Наставления» и трактуют исключительно о том, каким порядком надобно допрашивать ведьм, совсем пренебрегая ведунами.

Виновность подсудимого по действовавшему в Германии XVI–XVII столетий Имперскому уголовному кодексу могла быть установлена двумя путями: или на основании собственного сознания подсудимого, или на основании свидетельств по крайней мере двух достоверных очевидцев. На основании же косвенных улик, как бы они в совокупности ни были убедительны,

суд не имел права постановлять обвинительный приговор. Но при отсутствии достаточных для обвинения свидетельских показаний и при упорном запертстве обвиняемого имевшиеся против него косвенные улики могли вести к тому, что суд постановлял вырвать у подсудимого сознание силою пытки. Зная, однако, какое ужасное орудие давалось этим в руки судебной власти, Имперский кодекс обставлял применение пытки целым рядом предосторожностей. Он предъявлял очень высокие требования к тем показаниям, которые суд мог принимать в качестве «улик»; он разрешал приступать к пытке только тогда, когда на основании подобных «убедительных улик» виновность подсудимого являлась уже «доказанной более чем наполовину»; он, наконец, воспрещал чрезмерно затягивать пытку – по практике большинства тогдашних судов пытка в обычных уголовных делах не должна была длиться более часа – и всякого, выдержавшего пытку без признания, приказывал немедленно считать оправданным. Пытка могла повторяться только в том случае, если признавшийся было подсудимый брал свое показание назад или же если в деле открывались совершенно новые факты, достаточные для коренного пересмотра всего процесса. Но вырванному пыткой показанию суд тоже не должен был сразу давать полной веры. Он был обязан установить согласие всех показанных обстоятельств с истинной, и только если подобное дополнительное следствие подтверждало рассказанные подсудимым на пытке факты, суд мог приступать к постановлению приговора.

Юристам XVI и XVII веков было, однако, совершенно ясно, что при строгом применении к «ведовским делам» всех этих законом установленных предосторожностей успешное преследование ведьм стало бы почти полной невозможностью. Действительно, по самому характеру тех преступлений, в которых обвинялись ведьмы, разборчиво относившийся к свидетельским показаниям суд почти ни одной ведьмы не мог бы не только прямо осудить, но и подвергнуть пытке, так как соседские рассказы вроде тех, какие мы приводили раньше, совсем не подходили под определение, дававшееся Имперским кодексом понятию *indicium* (косвенная улика), а ничего более осязательного в руках суда при этом обычно не оказывалось. Из этого затруднения юристы выходили, относя ведовские дела в категорию так называемых *delicta ex cepta*, существование которой обуславливалось тем возмутительным с нашей современной точки зрения принципом, что исключительная тягость предполагаемого, возможного преступления вполне позволяет суду и при отыскивании доказательств вины прибегать к исключительным мерам. «В делах о ведьмах, – так рассуждал по этому предмету влиятельнейший из немецких криминалистов XVII века знаменитый Бенедикт Карпцов, – ввиду того, что преступления эти крайне тяжки и опасны, должно считать достаточным основанием для применения пытки всякое подозрение и всякую косвенную улику, ибо преступления эти совершаются потаенно и мало оставляют по себе следов. По этим вредным и отвратительным преступлениям, при коих отыскивание доказательств очень трудно и кои совершаются таинственными путями, так что на тысячу преступников разве один может быть судим и подвергнут заслуженной каре, совершенно не следует боязливо и добросовестно сообразоваться с установленными правилами судопроизводства. Пытка может быть повторяема неоднократно, так как при более тяжких преступлениях надо прибегать и к сильным средствам. Судья тем более в праве пускаться против ведьм в ход особенно жестокою пытку, что при них всегда состоит дьявол, помогающий им выдерживать мучения».

Согласно этому и «Наставления к допросу ведьм» указывали судьям, что при таких делах им надо больше всего рассчитывать на палача. «Служители Божественной юстиции, – так выражается по этому поводу одно из подобных „Наставлений“, – могут рассчитывать на желаннейшие ответы, когда явится мастер Ой-ой, Ванечка-щекотун, и пощечочет стакнувшихся чертовых женок чистенько и аккуратненько по всем правилам искусства тисочками на ручки и на ножки, лестницей и козлом».

Итак, к «пристрастному допросу» предполагаемой ведьмы суд, в сущности, мог приступать, когда ему заблагорассудится, и если некоторые из судей предпочитали сначала пробовать

более мягкие средства, как продолжительное тюремное заключение или лишение подсудимой сна и пищи, то более стремительные нередко обращались за содействием палача по первому же доносу, раз обвиняемая производила на них неблагоприятное впечатление. А подозрительным для опытного судьи при этом могло казаться все. «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, – так описывает современные ему судебные порядки известный автор «*Cautio criminalis*» иезуит Шпе, безвременно поседевший от ужасов, свидетелем которых он был в качестве духовника готовившихся к смерти ведьм, – то, разумеется, это доказательство ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от себя подозрение в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш. Затем, как она себя держит на допросе. Если она обнаруживает страх, то ясно, что она виновна: совесть ее выдает. Если же она, уверенная в своей невинности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо, по мнению судей, ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против взводимых на нее обвинений, это свидетельствует о ее виновности; если же в страхе и отчаянии от чудовищности взводимых на нее поклепов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство ее преступности». Особенно пагубной оказывалась для подсудимых попытка к бегству при слухе об угрожающем аресте: в этом суд видел всегда крайне тяжелую косвенную улику, вполне достаточную для того, чтобы немедленно отправить захваченную беглянку в застенки.

Самая пытка рассматривалась при этом как род единоборства между «Божественной юстицией» и «отцом всякой лжи» дьяволом. В те времена, когда процессы ведьм в Германии находились еще в руках инквизиции, судьи-монахи охотно прибегали при этом поединке к чисто духовным средствам. Они служили перед началом пытки мессу за ее успех, они поили подсудимых на тощий желудок святой водой, чтобы дьявол на пытке не мог связать им язык, они обвертывали подсудимых по голому телу лентой «длиною в рост Спасителя», где были начертаны семь слов Спасителя, произнесенные на кресте; лента эта, по их уверению, отягощала виновных хуже всяких цепей; в случае, если подсудимая выдерживала все мучения без стоны и без капли слез, они читали особо составленные на этот случай заклинания и т. п.⁴ Светским, в особенности протестантским, судам к подобным мерам, конечно, уже не полагалось прибегать. Зато они с особой тщательностью принимали другую меру предосторожности и неукоснительно приказывали палачу перед началом допроса сбривать у подсудимой все волосы на теле, чтобы она нигде не могла запрятать какого-нибудь микроскопического амулета, способного сделать ее нечувствительной к страданиям. Другой столь же обыкновенной предварительной операцией было отыскивание на теле подсудимой «ведовской печати», т. е. знака, которым пометил ведьму дьявол немедленно по заключении с ней договора. Печатью этой признавалось любое пятнышко на коже, которое оказывалось нечувствительным к уколу. Раз такая печать была отыскана, у судей не оставалось уже сомнений в виновности подсудимой, и пытка должна была только вырвать у нее подробное описание ее злодейств. Но если, несмотря на все старания палача, подобной метины не находилось, то это все же не останавливало пытки; она лишь изменяла свою ближайшую задачу.

Однако даже при соблюдении всех опытом указанных предосторожностей и при содействии вполне прошедшего свою науку палача «выпытать» у запирающихся «чертовых женок» «желанные ответы» часто оказывалось делом очень нелегким. «Легче дрова колоть, чем вести дела об этих ужасных женщинах» – так восклицал один баварский судья XVII века. Действительно, дошедшие до нас судебные протоколы показывают, что иные из обвиняемых проявляли поразительную силу сопротивления. Пытку мало-помалу поднимали с низших ее степеней,

⁴ «Заклинаю тебя горькими слезами, кои пролиты были Спасителем на кресте, пролиты были Матерью Его над Его ранами и пролиты были всеми святыми и избранниками Божиими на этом свете: если ты невинна, пусть у тебя льются слезы; если же ты виновна, то пусть совсем не льются. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

которые именовались «человечными», до высших, которые сам суд не мог не признавать бесчеловечными, а подсудимые всё не сознавались или, сознавшись, немедленно по прекращении пытки брали свои показания назад. Пытку повторяли один раз за другим – высшее записанное число доходит до 53, – а подсудимые упорно продолжали твердить о своей невинности, и многие умирали в застенке, не сказав того, чего от них требовали судьи. Тут действовал не один страх казни, являвшейся неизбежным последствием признания. Напротив, для многих, кто раз побывал на пытке, как это свидетельствует тот же Шпе и как этому всякий охотно поверит, она казалась «ужаснее десяти смертей, если бы это было возможно». Но, кроме естественного отвращения к тому, чтобы взвести на себя все ужасы, которые перечислялись в «Наставлениях», иных из подсудимых поддерживала в этой отчаянной борьбе боязнь навеки погубить свою душу. Солгать перед судом, в особенности же оболгать невинных, назвав упорно требуемые имена сообщниц, – это являлось в их собственных глазах смертельным грехом, и мысль об аде давала этим несчастным силу упорно переносить самые адские мучения. «Я невинна, Господи Иисусе, не оставь меня, помоги мне в моих муках... Господин судья, об одном молю вас, осудите меня невинною. О Боже, я этого не делала; если бы я это делала, я бы охотно созналась. Осудите меня невинной. Я охотно умру...» Такими раздирающими воплями оглашались тогда застенки. Наконец, нередко упоминаемые в протоколах случаи, что подсудимые выносили пытку, не меняясь в лице и не издавая ни звука, «хотя в них били, как в шубу», должны быть относимы на счет состояния так называемой истерической анестезии – предположение, которое приходится признать более чем вероятным ввиду несомненного присутствия среди мнимых ведьм множества нервных женщин.

Но для суда все это имело лишь одно объяснение: все это были козни дьявола, над которыми необходимо было восторжествовать искусным ведением допроса из-под пытки. Присутствие дьявола в застенке действительно чудилось судьям постоянно. Послушаем опять того же Шпе: «Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук дико вращает глазами, для судей это значит, что она ищет глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами остается напряженной, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол ее поддерживает и что ее необходимо терзать еще сильнее. Если она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол ее умертвил, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны». И так рассуждали не какие-нибудь дикари, а во многих отношениях действительно образованные юристы XVII века. Имя помянутого уже нами Бенедикта Карпцова не даром до сих пор славится в летописях германской юриспруденции, что не мешает ему оставаться автором такого рода резолюций на пересылавшиеся ему акты: «Так как из актов явствует, что дьявол так прихватил Маргариту Шпарвиц, что она, не пробыв и получаса растянутой на лестнице, с отчаянным криком испустила дух и свесила голову, откуда видно было, что дьявол умертвил ее изнутри ее тела, и так как нельзя не заключить, что с ней дело обстояло неладно также из того обстоятельства, что она ничего не отвечала во время пытки, то мертвое ее тело согласно справедливости должно быть закопано живодерами между виселиц».

Страшно подумать о том, что при таких условиях творилось в застенках, где обвиняемые по пунктам должны были отвечать на все включенные в «Наставления» вопросы. «В юности моей, – так писал об этом в начале XVII века один из очевидцев, протестантский пастор Мейфарт, – мне приходилось присутствовать при этих допросах. Что же это за ужас! О дорогие братья во Христе, я видел, как палачи и мучители приводили чудно созданное человеческое тело, на красоту которого радуются сами ангелы, в такой позорный вид, что, вероятно, самим чертям становилось завидно, как это могут находиться люди, которые в таком благородном искусстве затмевают адских духов. Я видел, как палачи мозжат стройное человеческое тело, как они расшатывают его во всех суставах, как они заставляют глаза вылезать из орбит, вывертывают стопы из голеней, плечи из лопаток, как они то вздувают жилы, то заставляют

их спадаться, как они то вздергивают человека на воздухе, то с размаху швыряют его об пол, как они свертывают его кольцом и скрючивают в три погибели. Я видел, как палачи работали плетью, как они секли розгами, дробили кости тисками, навешивали гири, кололи иглами, перекручивали веревками, жгли серой, поливали маслом, палили факелами. Да, я свидетель всему этому позору и должен громко об этом вопиять. Дива достойно, как это столько факультетов, столько коллегий при университетах, при высших правительственных учреждениях и при судах с такою легкостью дают свои заключения, что подсудимого надо подвергнуть пытке. Следовало бы постановить, чтобы никто – будь он там доктор, лицензиат или магистр – не допускался к даче подобных заключений, раз сам он не посмотрел на все это собственными глазами... Тут идут в дело стулья и люльки из гвоздей; да не могу я всего этого припоминать, так все это ужасно, гнусно и достойно проклятия... Велико здесь твое долготерпение, Господи Иисусе!»

«Господь по неизмеримой своей благодати, – так возражали на подобные протесты авторитеты вроде Дельрио и Бинсфельда, – сам никогда не попустит, чтобы при искоренении ведьм легко могли страдать невинные». И долговременный судебный опыт показывал, что они правы. В конце концов из тех, кто раз переступал порог застенка, никто почти не оказывался невинным, и благодаря усердному содействию заплочных мастеров «служители Божественной юстиции» развязывали наконец связанный дьяволом язык, который и выговаривал все «желанные для правосудия ответы».

С тем, как звучали подобные ответы, нас лучше всего познакомят несколько характерных выдержек из подлинных отчетов о ведовских делах.

В 1597 году в имперском городе Гельнгауэне попала на допрос шестидесятидевятилетняя вдова поденщика Клара Гейслер. Ее оговорила одна из ранее казненных ведьм: «Клара-де распутница, она сразу живет с тремя чертями, вырыла из могил сотни невинных младенцев и извела много народа». На суде Клара добром ни в чем не пожелала сознаться. Тогда ей ущемили пальцы в тиски и начали ставить различные вопросы; но «дьявол навел на нее упорство, и она крепко стояла на своем». Однако когда ей стали «мозжить ноги и надавили посильнее», то она «жалостно завопила, что все, о чем ее допрашивают, сущая правда: она пьет кровь детей, которых ворует, когда летает по ночам; она их извела душ шестьдесят; она назвала и еще ведьм около двадцати, которые бывали у них на танцах; покойного старшины жена, показала она, распоряжается и вылетами, и пирушками; она призналась также, что при ней всегда находится черт в виде кошки; с ним вместе она, тоже скинувшись кошкой, ночью бежит по крышам и получает от него утех». Но как только пытку прекратили, она сейчас же все взяла назад: «Все это-де сказала она от муки, все это выдумка, где нет ни слова правды». «Ради Бога и ради Господа нашего Иисуса Христа, молила она, должны они пожалеть ее; женщина она хвора, и от болезней у ней и в голове часто бывает неладно». «И про других, кого она оговорила, она тоже ничего такого не знает: сказала она лишь то, что про них толкуют в народе; и их она просила пощадить». Тогда «высокопочтенные следователи» решили, что «преступницу надо покамест заключить в тюрьму и не давать ей есть, чтобы посмотреть, как ее будет кормить ее любовник-дьявол», а что тем временем «надо будет взять на допрос кое-кого из оговоренных ею злодеек и поспрашивать их добром или с пристрастием». Когда же одна из новых подсудимых порассказала о Кларе Гейслер такие дела, «которые оказывались гораздо страшнее и бесчеловечнее того, что та сама о себе показала из-под пытки», то и Клару снова взяли в застенки. Прихваченная тисками сразу за руки и за ноги, она было сказала «да» на все предложенные ей новые вопросы, но без тисков она опять от всего отреклась и «впала в такое безумство, что стала звать судей и палачей к ответу перед Судом Господним». Понадобилась третья пытка, которая длилась несколько часов и производилась «накрепко», чтобы преступница наконец созналась вполне. «Я более 40 лет распутничала со множеством чертей, которые являлись ко мне в виде кошек и собак, а то и в виде червяков и блох. Я погубила

жалкой смертью более 240 человек, старых и молодых; я родила от своих чертей 17 душ детей, всех их убила, съела их мясо и выпила их кровь. За 30 или 40 лет я много раз в широкой округе поднимала бури и девять раз сводила огонь на дома. Я хотела было спалить дотла и весь наш город, но демон, который зовется Бурсиан, мне не велел, говоря, что он еще много женщин сумеет тут обратить в ведьм и заставить служить себе, как Богу». К концу пытки она стала бледнеть и слабеть; когда же ее освободили, она упала бездыханным трупом. «Дьявол, – так говорит судебный отчет, – не захотел, чтобы она еще что-нибудь выдала, и ради того свернул ей шею». Труп ее был сожжен. Процесс этот был предан широкой гласности, так как на нем впервые «из достоверного показания самой ведьмы выяснилось, что дьявол может являться и действовать также в образе блохи или червя». Помимо же этого, в показаниях Клары Гейслер для современников не было ничего удивительного. Действительно, точь-в-точь такие же рассказы со страшным однообразием наполняют бесчисленное множество дошедших до нас отчетов о процессах.

В 1616 году, по приказанию вюртембергского герцогского правительства, суд принялся усиленно заботиться об очищении страны от ведьм. Схватив одну женщину из Серестейма, которая прозывалась «матерью всех ведьм», он выпытал из нее такие показания: «Я с незапамятного времени сделалась ведьмой. Я извела сотни четыре детей, в том числе и троих из собственных. Все они были потом вырыты из могил, сварены и частью съедены, частью же пущены на мази и на другие волшебные снадобья. Косточки ног пошли на дудки. У собственного родного сына я извела жену и двоих детей; обоих своих мужей я много лет изводила и под конец погубила насмерть. С чертом распутничала я бесконечно. За 40 лет я навела бесчисленное множество пагубных бурь на протяжении многих миль вдоль Гейхельбергских гор. На этих горах пять раз в году бывает шабаш. Туда собирается до двух с половиною тысяч всякого люда: бедных, богатых, молодых и старых, кое-кто и очень знатного рода». Она говорила также: «Не будь нас, ведьм, подданным вюртембергским всегда бы можно было пить вино вместо воды, да и посуда у них была бы уж не глиняная, а серебряная». Она объяснила, что если столько женщин поддаются такому соблазну, то виноваты пьяницы-мужья, которые их колотят. Она указала судьям и приметы, по которым ведьм можно узнавать. Суд сумел воспользоваться ее указаниями, и следом за «матерью ведьм» было сожжено множество других женщин.

Одну очень обычную подробность – осквернение гостии – дает нам такое показание, извлеченное Янсеном из франконских архивов. «Я, – так призналась подсудимая после целого ряда жестоких пыток, – вырыла и сварила 16 детей. Из сала их я приготовила волшебную мазь и намазала ею между прочим троих собственных детей, чтобы их искалечить. Я постоянно вылетала в трубу на танцы, где музыкант, сидя на липе между ветвей, высвистывает на дудочке танец: *Pfeilen wir den Firlefanzen, den Burlebanzen*. Таких собраний бывает четыре в году. На прошлой неделе в четверг, явившись к святому причастию, я вынула гостию изо рта и сунула ее к себе за пазуху. Попав потом в тюрьму, я дала ее пришедшему ко мне демону Бурсерану, и тот принялся ее так колоть, что полилась кровь. Потом он надругался над ней так скверно, как только можно».

«Я самолично был свидетелем, – говорит про подобные показания тот же Мейфарт, – как мучили на пытке старух, у которых меньше оставалось разума, чем у малых детей, и как они показывали такие сумасшедшие вещи, которым даже в горячечном бреде другому не могли прийти бы в голову... И они должны были за это идти на смерть». «Чего только не делают обезумевшие люди! Можно найти старух, которые обвиняют молодых женщин, что те из шеи рожали ребят ростом с мизинец. Я правду говорю: я сам раз слышал, как одна старуха твердо стояла на подобном нелепейшем, идиотском показании. Я мог бы из собственного опыта порассказать немало вещей и еще невероятнее и ужаснее, если бы перо не отказывалось их передавать». Тюрьма и пытка, продолжает Мейфарт, как будто обливают подсудимых какою-то водой безумия, так что они показывают, не запнувшись, решительно ни с чем не сообразные вещи.

«Один мужик показывал, что он танцевал в воздухе с Иродиадой и летал по воздуху с Пилатом». «Другие признавались, что они в одно мгновение ока перелетали в Испанию, во Францию, в Грецию, в Персию и там пировали в императорских, королевских и княжеских палатах. Другие еще рассказывали, что они через такие маленькие щелочки, куда и мыши не пролезть, забирались в погреба и там угощались вином или что они скидывались кошками, совами и воронами». «И с этими-то нелепыми, язычески-сказочными вещами, – заключает Мейфарт, – так носятся разбирающие дела о ведьмах судьи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.